

Минский Николай Максимович

**О свободе религиозной
совести**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Максимович М.**
О свободе религиозной совести / Минский Николай Максимович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-96683-2

ISBN 978-5-519-96683-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Я лично считаю свободу религіозной совѣсти величайшимъ благомъ жизни и соотвѣтственное измѣненіе законодательства—неотложной реформой, отъ которой болѣе, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ, зависитъ наше будущее. Но отношеніе къ этому вопросу со стороны интеллигенціи кажется мнѣ не вѣрнымъ и не глубокимъ. Наши свѣтскіе писатели говорятъ о религіозной реформѣ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ, напримеръ, объ отмѣнѣ паспортной системы. По ихъ словамъ выходитъ какъ-то, что слѣдуетъ предоставить каждому гражданину право свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто и, между прочимъ, право передвиженія изъ религіи въ религію, изъ секты въ секту. Самый задоръ, съ какимъ свѣтскіе писатели говорятъ о свободѣ совѣсти, чуть ли не объясняется недоумѣніемъ, которое они испытываютъ при мысли, что вотъ преслѣдуютъ людей за такія въ сущности невинныя и безразличныя вещи, какъ ихъ религіозныя убѣжденія.

Не столь простымъ и легкимъ представляется вопросъ о свободѣ совѣсти съ точки зрѣнія вѣрующаго. Чѣмъ искреннѣе вѣра человѣка, тѣмъ этотъ вопросъ долженъ ему казаться мучительнѣе. Порой невольно спрашиваешь себя, ужъ не находимся ли мы передъ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ, передъ одной изъ тѣхъ антиномій, которыя избороздили нашу духовную жизнь, подобно бездоннымъ оврагамъ. Въ метафизикѣ существуетъ такая бездна въ проблемѣ о свободѣ воли, и сущность ея общеизвѣстна. По внутреннему сознанію, воля свободна: хочу, дѣлаю такое-то движеніе; не хочу, не дѣлаю. Но по свидѣтельству разума всякое явленіе есть необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ причинъ и, слѣдовательно, всѣ акты моей воли необходимы и не

могутъ считаться ни добрыми, ни злыми, а лишь полезными и вредными. Почти такой же неразрѣшимой проблемой представляется вѣрующему вопросъ о свободѣ совѣсти. По внутреннему сознанію религіозная совѣсть безусловно свободна. Никакое внѣшнее и даже внутреннее насиліе — насиліе собственной мысли не въ состояніи заставить меня вѣрить не такъ, какъ мнѣ вѣрится. Внутреннее отношеніе къ Богу нельзя опредѣлить извнѣ. Искренность чужого убѣжденія, нравственный примѣръ, — вотъ что еще въ силахъ повліять на мою религіозную волю, смягчить ее. Но малѣйшее дуновеніе мстительнаго пресѣченія или разсудительнаго предупрежденія неизбѣжно ее ожесточаетъ. Для внутренняго сознанія религіозное насиліе не только не справедливо, но и безцѣльно, противощально. Оно — преступленіе и противъ нравственности, и противъ разума. „Если я не правъ, докажи мнѣ, а если я правъ, за что ты бьешь меня?“ — вотъ, казалось бы, вѣчная, на всѣ времена данная формула истинно христіанскаго отношенія къ ереси и сектантству.

Такъ рѣшается для вѣрующаго вопросъ о свободѣ совѣсти во внутреннемъ сознаніи. Но все мѣняется, когда отъ внутренняго сознанія переходимъ въ міръ внѣшняго опыта. Исповѣданіе какого бы то ни было религіознаго ученія неразрывно связано съ его пропагандой, и въ этомъ весь мучительный узелъ вопроса. Если бы сектантъ заблуждался только для себя, церковь не стала бы его беспокоить. Забота Торквемады о спасеніи грѣшника противъ его воли чужда нашему времени; въ этомъ смыслѣ свобода исповѣданія принадлежитъ каждому, хотя съ точки зрѣнія вѣрующаго это не болѣе какъ свобода гибели. Но вѣдь сектантъ

опасенъ не только для себя. Онъ, по убѣжденію вѣрующаго, очагъ духовной лжи. И если предоставить ему свободу дѣйствія, онъ заразитъ своей ложью безпомощныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ сыновъ истинной церкви. Въ этомъ смыслѣ правы тѣ, кто приравниваетъ свободную пропаганду сектантства къ свободной продажѣ опиума; съ равнымъ правомъ можно приравнять ее къ свободному распространенію заразныхъ болѣзней. И если противъ холеры и чумы учреждаются карантинны и принимаются карательныя мѣры, то почему церковь, любя своихъ дѣтей и болѣя о нихъ, не обязана защищать ихъ отъ заразы духовной? Сектантство уже не вправѣ возражать словами Христа: „если я не правъ, то скажи, въ чемъ я не правъ“. Удастся ли церкви, путемъ миссіонерскаго убѣжденія, возвратить сектантовъ на путь истинный или не удастся, здоровые члены церкви въ этомъ неповинны. Казалось бы, наоборотъ: чѣмъ ересь упорнѣе и труднѣе поддается убѣжденію, чѣмъ болѣзнь неизлѣчимѣе, тѣмъ строже должны быть принимаемыя противъ ея распространенія мѣры. Получается такимъ образомъ неразрѣшимое противорѣчіе: во внутреннемъ сознаніи свобода совѣсти—неопровержимая истина; во внѣшней дѣятельности свобода совѣсти—нелѣпость и жестокость. Противорѣчіе это не существуетъ для свободомыслящаго интеллигента, для котораго всѣ религіозныя ученія безъ различія имѣютъ лишь субъективную достовѣрность. Вѣрующій же убѣжденъ въ объективной истинѣ—и слѣдовательно благости своего ученія, и въ объективной лживости—и слѣдовательно злѣ всѣхъ другихъ ученій. И признавать свободу пропаганды ереси чѣмъ-то желательнымъ—для него то же самое, что признавать зло благомъ.

Еще болѣе мучительнымъ долженъ представляться вопросъ о свободѣ совѣсти для священника, ибо для него указанное противорѣчіе осложняется сознаниемъ личной отвѣтственности. Скажите огороднику, вспахавшему и засѣявшему гряды, чтобы онъ далъ свободу роста всѣмъ всходамъ, не обращая вниманія на то, взойдутъ ли овощи или сорные травы, и онъ отвѣтитъ вамъ, что для него такая свобода равняется разоренію. Точно также для священника не безразлично, вырастетъ ли на охраняемой имъ духовной нивѣ вѣра въ Христа или вѣра въ Данилу Филиппова. Нѣтъ сомнѣнія, что священникъ будетъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы взростить первую и уничтожить въ корнѣ вторую.

Въ этомъ мѣстѣ разсужденія я слышу, какъ меня прерываютъ нѣкоторые сторонники свободы совѣсти, говоря: да, *усиліе* церковь должна употреблять всевозможное для доставленія побѣды православію, но — не *насиліе*. Внѣшнее физическое насиліе не совмѣстимо съ ученіемъ Христа; насиліе не отъ Христа, а отъ антихриста, и церковь, прося государство или помогая государству принимать противъ сектантства мѣры насилія, протягиваетъ руку антихристу. Это положеніе, высказанное между, прочимъ, и на упомянутыхъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, было, помню, встрѣчено аудиторіей не только съ сочувствіемъ, но даже со вздохомъ облегченія, какъ неожиданный и, главное, легкій исходъ изъ труднаго положенія. Но мнѣ кажется, что если бы та же аудиторія поглубже вдумалась въ эту теорію, она бы отъ нея отвернулась. Въ самомъ дѣлѣ, теорія эта осуждаетъ и признаетъ дѣломъ дьявола всякое насиліе. Съ этой точки зрѣнія насиліе

надъ сектантами — такое же дѣло антихриста, какъ и борьба за свободу совѣсти, такъ что, напримѣръ, война Сѣверо-американскихъ Штатовъ за отмѣну невольничества должна быть признана фактомъ, заслуживающимъ порицанія. Но можно идти и дальше: Дмитрій Донской, свергая иго татаръ, служилъ дьяволу, а Сергій Радонежскій, благословляя его ряды на дѣло насилія, подавалъ руку антихристу. Подобные выводы едва ли оказались бы по душѣ и либерально настроенной аудиторіи, не говоря уже о томъ, что они претятъ здравому смыслу. Разрѣшать вопросъ о свободѣ совѣсти вопросомъ о насиліи все равно, что тушить огонь масломъ. Ибо, если первый, повидимому, представляетъ неразрѣшимое противорѣчіе, то второй несомнѣнно неразрѣшимъ: существуютъ государства, гдѣ свобода совѣсти — общепризнанный фактъ, но нѣтъ въ мірѣ ни одной страны, ни одного союза людей, гдѣ всѣ отношенія не покоились бы на санкціи принужденія, на насиліи. Вопросъ о насиліи, можетъ быть, самый трудный изъ всѣхъ, когда-либо порожденныхъ теоретическою совѣстью, и всякій приступающій къ нему вынужденъ молотить ту солому, которую на нашихъ глазахъ въ теченіе двадцати лѣтъ такъ усердно и такъ безплодно молотилъ Толстой въ своей теоріи о непротивленіи злу.

Помимо всего этого вопросъ о насиліи, какъ бы онъ ни рѣшался самъ по себѣ, неумѣстенъ въ спорѣ о свободѣ совѣсти, который интеллигенція ведетъ не съ государствомъ, а съ церковью. Вмѣсто того, чтобы убѣдить церковь, что свобода совѣсти — благо, интеллигенція возраженіемъ о насиліи какъ бы хочетъ принудить церковь принять противъ воли свободу совѣсти,

проглотить ее, какъ невкусную микстуру, подь страхомъ быть обвиненной въ служеніи антихристу. Едва ли такое положеніе вещей желательно и возможно. Церковь вправѣ отвѣтить интеллигенціи, что никакихъ насильственныхъ мѣръ она не принимаетъ, но на вопросъ государства о томъ, что такое сектантство — она, церковь, въ качествѣ эксперта, по чистой совѣсти отвѣчаетъ: сектантство абсолютное зло. А уже затѣмъ само государство поступаетъ относительно этого зла такъ, какъ вообще оно поступаетъ со всѣмъ, что считаетъ противнымъ общему благу. Чтобы вернуться къ прежнему сравненію, церковь опредѣляетъ сектантство, какъ врачъ опредѣляетъ свойства чумы и также мало, какъ этотъ врачъ, достойна упрека въ служеніи насилію. До тѣхъ поръ, пока церковь будетъ убѣждена въ томъ, что сектантство — духовная чума, а свобода совѣсти — абсолютное зло, — всѣ побочные разговоры о государственномъ насиліи и о власти антихриста не измѣняютъ настоящаго, весьма грустнаго положенія дѣлъ. Въ томъ же, что представители церкви, за весьма малыми исключеніями, считаютъ свободу совѣсти зломъ, не можетъ быть сомнѣнія послѣ всего, что намъ пришлось прочесть и выслушать въ послѣднее время.

Наиболѣе искренно и ярко выразилъ мысль церкви архимандритъ Антонинъ въ рѣчи, прочитанной въ тѣхъ же религіозно-философскихъ собраніяхъ, какъ отвѣтъ на рефератъ кн. Волконскаго. Онъ не ограничиваетъ, не урѣзываетъ понятія о свободѣ совѣсти, но устраняетъ его цѣликомъ. Что такое свобода совѣсти? Возможность выбора между нѣсколькими и, по крайней мѣрѣ, между двумя религіозными истинами. Поэтому свобода совѣсти могла существовать среди языч-

никовъ, признававшихъ множество боговъ и множество религій; она возможна среди атеистовъ, равнодушно относящихся ко многимъ богамъ и многимъ религіямъ. Но въ лонѣ христіанства, знающаго только одну истину, нѣтъ выбора, а гдѣ возможность выбора исчезаетъ, свобода превращается въ звукъ пустой. Христіанство свободы совѣсти не признаетъ. Христіанство по своей природѣ эскоммуникативно, т. е. однимъ своимъ бытіемъ исключаетъ истинность всѣхъ возможныхъ религіозныхъ ученій. Христіанству достаточно знать, что какое-нибудь ученіе разнится отъ него,—и оно, не выслушавъ, вправѣ и обязано отвергнуть таковое, какъ ложь. Такъ именно православная церковь и относится ко всѣмъ иновѣріямъ и разновѣріямъ, къ ересямъ и сектамъ, не считаетъ ихъ ни чѣмъ-то равнымъ себѣ, ни чѣмъ-то младшимъ и подчиненнымъ, а просто отметаеъ. Архимандритъ Антонинъ справедливо устраняетъ вопросъ о насиліи. Православіе,—говоритъ, онъ,—давитъ не внѣшней силой, а исключительностью своей внутренней правоты. Отъ того, какъ отнесется государство къ сектамъ, отношеніе къ нимъ церкви не мѣняется. Если государство откажется отъ преслѣдованія, церковь безропотно будетъ терпѣть ихъ, но такъ, какъ общество терпитъ въ своей средѣ падшихъ и преступныхъ. Здѣсь рѣчи не можетъ быть о сожитіи или о сосѣдствѣ. Вѣдь никто не назоветъ скребущихся въ его домѣ мышей сосѣдями или сожилъцами. Въ храмѣ православія завелась такая нечисть—разная штунда и хлыстовщина. Можно говорить о томъ, какъ и гдѣ жить этой нечисти, но не о выборѣ между нею и православіемъ, не о свободѣ совѣсти.

Мы должны быть благодарны архимандриту Анто-

нину за его искреннее и смѣлое слово. Въ сущности онъ повторилъ обычное, старое и къ тому же единственное возраженіе противъ свободы совѣсти, но сдѣлалъ это такъ ярко, что не только освѣтилъ новымъ свѣтомъ нашъ трудный вопросъ, но даже облегчилъ его рѣшеніе. Особенное значеніе придаетъ архимандритъ Антонинъ въ христіанствѣ моменту единобожія. Выборъ и свобода невозможны въ христіанствѣ потому, что оно признаетъ одного Бога, одинъ законъ, одно служеніе. Христіанство экскоммуникативно, потому что зиждется на Единомъ. Но разсуждая такимъ образомъ, архимандритъ Антонинъ говоритъ уже не только о христіанствѣ, но и о еврействѣ, также заложенномъ на основѣ Единого. И въ самомъ дѣлѣ, еврейство, за свою долгую историческую жизнь, оправдывало свою нетерпимость, свою слѣпоту и глухоту по отношенію ко всѣмъ другимъ религіямъ тѣми же самыми доводами объ экскоммуникативности единой истины, какими въ наше время православная церковь желала бы оправдать свое нетерпимое отношеніе къ сектантству. Такъ разсуждало еврейство во всѣ моменты своей исторіи, такъ разсудило оно въ самый важный и роковой для него моментъ — при осужденіи и распятіи Христа. Первосвященники и фарисеи, какъ видимъ изъ евангелія, не разбирали ученія Христа и не судили его изнутри, а лишь установили фактъ несогласія Его ученія со своимъ закономъ. Разсуждали они слѣдующимъ образомъ. Богъ единъ. А вотъ является нѣкто, называющій себя сыномъ Божиимъ. Слѣдовательно, онъ соблазняетъ на гибель. Законъ единъ. А вотъ является нѣкто, говорящій: „вы слышали, что сказано древнимъ, а я говорю вамъ то-то“. Слѣдова-

тельно, онъ отрицаетъ законъ и долженъ быть наказанъ по закону. Храмъ единъ. А вотъ является нѣкто, говорящій, что разрушить и возсоздастъ этотъ храмъ. Слѣдовательно, онъ проповѣдуетъ ложь. Въ довершеніе аналогіи, синедрионъ самъ отъ насилія и казни отказался. Онъ лишь, какъ экспертъ въ дѣлѣ святыни, засвидѣтельствовалъ, что ученіе Христа—безусловное зло, ибо протѣиворѣчитъ абсолютной и единой истинѣ: „Мы имѣемъ законъ и по закону нашему онъ долженъ умереть, потому что сдѣлалъ себя сыномъ Божиимъ“.

Такимъ образомъ, трудный вопросъ о свободѣ совѣсти пересталъ быть для насъ отвлеченной проблемой и воплотился въ историческое событіе, давно пережитое, принесшее плоды, по которымъ его легко судить. Вопросъ о свободѣ совѣсти сводится къ другому: въ чемъ заключалось заблужденіе фариисеевъ, осудившихъ Христа? Въ томъ ли, что они признавали единство Бога, божественность даннаго еврейскому народу закона, святость своего храма? Очевидно, не въ этомъ. Роковое заблужденіе еврейства заключалось въ томъ, что оно смѣшивало абсолютность и совершенство самого Бога съ абсолютностью и совершенствомъ своего человѣческаго пониманія Бога. Богъ самъ по себѣ единъ и, слѣдовательно, вѣчно равенъ себѣ и неизмѣненъ. Но человѣческое постиженіе Божьяго единства есть нѣчто мѣняющееся, исторически развивающееся, совершенствующееся. До пришествія Христа еврейскому народу единство Божіе открылось математически: Богъ—единный творецъ неба и земли и кромѣ него нѣтъ Бога. Съ пришествіемъ Христа единство Божіе раскрылось людямъ и мистически, какъ тріединство, и этимъ было

доказано, что человѣческое пониманіе Бога не исключительно-совершенно, какъ самъ Богъ,—не эскоммуникативно, а относительно--подвержено измѣненію и развитію. То же самое примѣнимо къ закону. Самъ по себѣ законъ, данный Моисею, и откровенія пророковъ были абсолютно истинны, но они таили предсказанія о Сынѣ Божіемъ, которыя стали понятны людямъ только со времени Его пришествія, а до того оставались скрытыми, какъ бы несуществующими для сознанія. Также и храмъ въ Іерусалимѣ былъ храмомъ Бога живого, но не единственнымъ и не послѣднимъ, а въ планѣ Божьяго храмостроительства лишь фундаментомъ для будущаго христіанскаго храма.

Это роковое заблужденіе еврейства, стоившее ему безпримѣрныхъ страданій и униженій, обнаружилось при судѣ надъ Христомъ, но оно существовало въ скрытомъ видѣ и раньше. Ученіе фарисеевъ было лживо, не только потому, что оно привело къ распятію Христа, но и само по себѣ, потому что смѣшивало человѣческое съ Божескимъ, ставило на мѣстѣ Бога свое пониманіе Бога, и вело къ надменности, къ самодовольствію, къ лицемѣрію. Оправданіе фарисеевъ въ ихъ невѣдѣніи. Они въ самомъ дѣлѣ не вѣдали, не понимали тайны тріединства и вполне добросовѣстно считали свое математическое единство исключительно истиннымъ, эскоммуникативнымъ. Но у христіанъ такого оправданія не было бы. Труднѣйшій и почти неразрѣшимый въ другихъ религіяхъ вопросъ о свободѣ совѣсти разрѣшается въ христіанской мистикѣ легко и естественно. Ибо въ основѣ христіанства легло различіе между Божескимъ и человѣческимъ. Христіанство—единственная въ мірѣ религія, которая начала